

Руслан
Исаев

Облачная башня

Руслан Исаев
Облачная башня (сборник)

«Геликон Плюс»

2016

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Исаев Р.

Облачная башня (сборник) / Р. Исаев — «Геликон Плюс», 2016

ISBN 978-5-00098-079-8

Видеть красивое и уродливое – вот что дал нам Всевышний, чтобы мы отличили добро и зло.

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-079-8

© Исаев Р., 2016
© Геликон Плюс, 2016

Содержание

Ожесточение	6
Глава 1. Столкновение	6
Глава 2. Семейные ценности	12
Глава 3. Знаки	22
Глава 4. Fallout	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Руслан Исаев
Облачная башня
Сборник

© Исаев Р., текст, 2016

© Геликон Плюс, макет, 2016

* * *

Ожесточение

Глава 1. Столкновение

Диалоги о пользе труда. 1995 год

Это было трудное время. Фонтан, в котором Юра купался на выпускном вечере, был забит трупами солдат, и их ели одичавшие собаки. Трудно даже представить, сколько трупов и собак было на улицах. И зима, конечно, выдалась особенно холодная. Снег уже должен был таять, но в ущелье, куда армия в конце концов загнала отряд Магомед, не было никаких признаков весны. Силы сопротивления находили приют в горных селах, в летних жилищах пастухов, в заброшенных пионерских лагерях и туристических базах.

В такое время каждый боец на счету. Поэтому Магомед не хотел убивать Али Бербера. Магомед знал о деятельности, которую Бербер проводит, чтобы лишить его влияния. Тем более что многим бойцам в тот момент казалось, что Всевышний должен послать чудо, чтобы появилась надежда. Все устали до последней крайности и были готовы на всё.

Когда отряд Бербера появился на земле, которую Магомед считал принадлежащей его семье, род Магомеда сделал все возможное, чтобы помочь бойцам Бербера, которые были совершенно непривычны к зиме в горах и жестоко страдали.

Бербер напоминал Магомеду коммуниста. Причем не коммунистического бюрократа времен распада СССР, а пламенного команданте Че. Так же как настоящему коммунисту, Берберу было плевать на национальность. Он сам как бы смутно имел национальность. Вообще-то Бербер был сирийцем, не закончившим Московский медицинский институт. Вроде бы там у него была русская жена, Бербер не любил об этом распространяться, это портило его сияющий облик моджахеда. Последние годы Бербер жил в Европе как политический беженец.

Спор, который затеял Бербер, шел о роли труда в обществе. Бербер никогда не работал, не имел бизнеса, всю жизнь боролся, как и его отец. Только его отец боролся за победу социализма и свободу трудящихся.

– Всевышний поразил неверных слепотой. Я живу в Европе, и неверные дают мне деньги – не это ли свидетельство правильности моего пути?

– Халява – это христианская тема, – возразил Магомед. – Представь, что твой сын вырос, ничем не занимается, бездельничает и продолжает попрошайничать деньги. Ты ему будешь потакать? Почему Всевышний должен помогать бесполезному? «О народ мой! Творите по вашей возможности. Мы тоже действуем».

Эти слова Магомеда задели Бербера. По правде говоря, он не мог устроиться нигде, пока не нашел себя в борьбе, и именно отец часто помогал ему деньгами.

– В том, что неверные в Европе установили такие порядки, я вижу милость Всевышнего. Иначе бы я не мог посвятить себя святому делу.

– Это свидетельство тупости тех, кто тебя принял. Ты ищешь милости властей. А достойный труд – это поиск милости Аллаха.

– Я слышал от твоих родственников, что ты, Магомед, был очень успешен в делах. Мне кажется, успех в делах отвлек тебя от истинной веры. За мирским успехом ты упустил истинный свет, – сказал Бербер.

Эта фраза выдавала обиду Бербера: для Магомеда любая боевая операция состояла из множества дел и мелочей, которые нужно обдумать и подготовить. Как оказаться на месте, в какой момент времени люди, выполняющие разные задачи, начинают действовать, почему и когда что-то может пойти не по плану. Как любил говорить Магомед: «Всевышний помогает

предусмотрительному». Особенно тщательно он обдумывал пути отхода, эвакуацию раненых. Основу отряда составляли его родственники, или люди его народа, его крови. «Отряд не заметил потери бойца» – песня точно не про отряд Магомед. Бербер же не обладал талантом планирования, был горяч и вспыльчив. Поэтому ему приходилось больше полагаться на помощь Всевышнего, и его отряд понес большие потери. К тому же он не слушался хороших советов, не говоря уж о том, чтобы выполнять приказы (хотя это было условием, которое семья поставила Берберу).

Ради идеи Бербер готов был сражаться до последнего горца. Война уже дошла до того градуса ожесточения, когда интересы гражданского населения не берут в расчет, но Магомед желал победы, а не славной гибели своей семьи и своего народа.

Бербер считал, что Магомед загнал его в безвыходное положение. Бойцам Бербера нельзя было отказать в доблести и решимости, но участвуя в совместных операциях, они с некоторой завистью начали смотреть на бойцов Магомед.

Магомед не собирался становиться военным руководителем. В первые недели войны отрядом командовал один из родственников, бывший кадровый офицер Советской армии, но он погиб в боях за город. А так уж всю жизнь получалось, что, когда вставал вопрос о руководителе, все смотрели на Магомед.

Дядя Абу сказал: «Рано или поздно Бербер попытается захватить твою власть». Вообще Бербер сразу не понравился ни отцу Магомед Мусе, ни его младшему брату дяде Абу. Отец сказал Магомеду:

– Коммунисты были опасны, но не очень. Они смогли нас выселить, возможно, могли уничтожить большую часть народа. Но они не затронули нашу душу, нашу идентичность. Всех сгоняли на лекции о том, что Бога нет. Вот я помню: лектор из города говорит, старшие сидят с каменными лицами. Дети на взрослых смотрят и тоже не шевелятся. Слышно, как муха летает. Лектор думает, это все равно как о камень стучать.

Дядя Абу добавил резко:

– Этот опаснее. Приходит и говорит: «Ты неправильно веруешь». Кому он это говорит? Кто он такой, чтобы нас учить? Пусть он сначала столько вытерпит за веру, как твой дед. Теперь будет приезжать новый лектор, и этот невежда, знающий три аята, будет мне объяснять, как правильно верить? Он борется за власть, а мы просто пешки в его игре. Если нас всех уничтожат, он произнесет пламенную речь и поедет в Европу жить на пособие. Однако молодое дурачье его слушает.

Понятно, что напряжение между Бербером и Магомедом накапливалось. И сегодня Бербер заглянул к Магомеду выпить чаю, обсудить вопросы веры и обычаев и по возможности застрелить Магомед. Таким образом, это был разговор людей, один из которых пришел убить человека, оказавшего ему помощь, и поэтому пытается себя завести. А второй это понял и приготовился. Магомед твердо решил, что пришелец не убьет его на этой земле.

– А вот, скажем, когда ты уничтожишь всех неверных, кто будет платить тебе пособие? – спросил Магомед.

Бербер покраснел:

– Вы бы не сомневались в милости Всевышнего, и он все бы вам дал. А все ваши беды от того, что вы следуете своему обычаю, а не истинной вере.

– Полезно и приятно поговорить с человеком, который знает истину. И в чем, например, ты видишь несоответствие наших обычаев истинной вере?

– Ваши женщины ходят с открытыми лицами, как христианские проститутки.

Магомед первым достал пистолет, таким образом, победа в теологическом споре осталась за ним.

– Похороним героя, – сказал Магомед, – он сражался за наше дело. Оставшиеся братья могут вступить к нам в отряд, или мы поможем им перейти границу.

Утро. Весна 2010 года, понедельник

Из окна были видны голубые горы и заходящие на их фоне на посадку белые самолеты. На желтом столе перед Магомедом лежали тетрадь и открытый учебник с задачами повышенной сложности для поступающих на физико-математические отделения университетов. Стекланный дирижабль с надписью «блокпост» развернулся над зданием детского сада и полетел обратно, задевая днищем верхушки тополей. Магомед встретился взглядом с бойцом, стоявшим в проеме стеклянной кабины: боец развернул пулемет. Магомед бросился спиной на пол; чувство бессилия и тоски охватило его. К счастью, он увидел прислоненный к столу «калашников», а по полу было разбросано множество патронов. Разноцветных патронов: желтых, красных, синих, Магомед набивал ими магазины. Лежа на спине с заряженным автоматом он испытал счастье – чувство защищенности. Всевышний хранил его. С этим чувством он проснулся. Страх давно был полностью вытеснен из его дневного сознания. Да и во сне являлось обычно преодоление страха. Как говорит отец: «Мы рождаемся преодолеть страх».

Утром Магомед всегда чувствовал потребность выйти из дома на несколько минут. Он надел спортивный костюм и вышел пройтись в сад через двери спальни. Магомед не любил сырость балтийского климата, даже больше не сырость, а отсутствие света в течение зимних месяцев. Было очень темно – как бывает темно зимой в часы перед рассветом на Балтике, когда моросит бесконечный дождь. Поглощающее свет небо и черная пропасть равномерно шумящего залива. Но было не холодно, ветер даже казался теплым. Весна.

Среди темноты и сырости возле гаража сиял столб света. Под прожектором Ахмед, младший брат, поливал машину из шланга. У Магомеда, как всегда, потеплело на сердце. Младшим родственникам было непонятно, зачем такой уважаемый человек лично поливает чистую машину из шланга. Но это была традиция, хорошее дело на неделю, связывающее их с теми давними временами, когда Ахмед поливал ВАЗ-2105 в утреннюю жару перед выездом Магомеда на работу. Магомед уже тогда, несмотря на молодость, был важным человеком, а Ахмед только вернулся из армии, из талантов имея титул чемпиона военного округа по греко-римской борьбе.

– Сегодня поедem на «ягуаре», – сказал Магомед.

Это обычно означало: у Магомеда будут дела, по которым он поедет один. «Ягуар» брали для незаметности. Более скромную машину взять было нельзя, чтобы не беспокоить женщин.

Магомед завтракал всегда одинаково. Стандартный континентальный завтрак: овсяная каша, яичница, чай. Так называемая кавказская кухня – это изобретение христианских народов: грузин, армян, осетин. Горские мусульманские народы в еде сдержанны, почти аскетичны.

Зара не задавала дурацких вопросов, когда он придет и какие у него планы. Она знала, что он скажет все сам.

С Зарой они познакомились на Новогоднем вечере в проектно-институте отца. Магомед приезжал домой из Дубны в свой первый отпуск. Он только начал работать в Объединенном институте ядерных исследований после окончания Физтеха. Отец пригласил его вместе поехать на вечер. «Мне будет приятно появиться с сыном перед коллегами, они знают о тебе». Потом Магомед понял, что отец уже тогда подтягивал его к проектно-институту, который считал семейным делом (и который сам и создал в семидесятые годы).

Обычный для советских времен Новогодний вечер: мужчины в галстуках с заколками, женщины в необычных платьях, легкий фуршет для руководителей в приемной отца. «Это мой сын, познакомьтесь». Шампанское на столах, поздравление отца коллективу в конференц-зале. Отец был очень остроумен, мастерски держал зал. Ужин, выпивка для людей постарше. Танцы для тех, кто помоложе. Живая музыка – ансамбль «Вахас бэнд». «Неужели все это действи-

тельно было?» – подумал Магомед, глядя на жену. Он не чувствовал себя старым, но иногда он явственно видел, что в его жизни уместилась целая эпоха.

Вот тогда, когда гремел хит всех времен и народов *Come together*, Магомед увидел Зару. Он сразу понял, что это его женщина. Он думал, что знает, что такое любить женщин. Но это был моментальный контакт, это было просто знание, что они будут вместе. Он волновался, чувствует ли она то же самое? Умна ли она? Не ошибка ли это? Свободна ли она? Сразу стало понятно, что попадание в десятку.

Зара произошла из состоятельной семьи, занимавшей высокие позиции в партийно – хозяйственном активе республики. Ее отец, конечно, предпочел бы, чтобы Магомед был выпускником, например, Института мясомолочной промышленности. Вся эта физика-шмизика ему была не очень близка. В семье было три прекрасных дочери, но Зара была бриллиантом. Однако уж очень хорош был парень из очень уважаемой семьи. Да и как умный человек отец Зары понимал, что тут вмешиваться варианта нет. Быстро устроили свадьбу, молодые уехали в Дубну. Потом был прекрасный год. День начинался с Зары и кончался ею, когда они засыпали без сил. Магомед был еще рядовым научным сотрудником, это был последний год, когда у него не было ответственности за других людей.

Он не ошибся. Эта тяга к ней не прошла до сих пор. Ничего не поменялось – сейчас за завтраком он видел ту же женщину, хотя их дети, кроме маленькой Ласточки, уже стали взрослыми.

– Марта и Астрид приезжают, – сказала Зара.

– Отлично, – сказал Магомед. – Проветритесь. Надолго? Ты уже взяла билеты?

– До конца недели. Ну конечно, я уже все заказала. Гостевой дом сегодня подготовим.

Марта и Астрид приезжали из Таллина пройтись по театрам. Зара очень любила их приезды: она обожала театр, а еще больше – компанию этих женщин.

Магомед не спеша оделся. Много лет он не думал, что надеть, – его костюм висел на вешалке, приготовленный Зарой.

Возле машины уже стояли Ахмед и их племянник Аслан. Молодой парень с непроницаемым лицом. Магомед знал, что Аслан – веселый, разговорчивый, дерзкий на язык парень. Но для него было большой честью работать с такими уважаемыми людьми, и Аслан старался не проявить неподобающие эмоции.

Аслан сел за руль, еще один их младший родственник вышел к воротам из домика охраны. В семьях не бывает брошенных, ненужных детей или стариков. Апти имел отклонения развития. Если бы он был русским, ему поставили бы диагноз еще в детском саду, потом родители отдали бы его в специализированный интернат или как там еще у русских называются заведения, где его бы замучили либо сделали бессмысленным инвалидом. Но ворота же он мог открывать, отличал же он своих родственников от остальных людей? А если бы он не мог даже этого, где-нибудь в горном селе нашли бы ему еще более простое занятие.

Еще во время учебы Магомед пришел к выводу, что ум – это способность видеть мир таким, как есть. Как любил говорить дядя Абу: «Благодать – это талант истинного зрения». Магомед открыл, что в определенном смысле Апти умнее его. Он запоминал происходящее точнее любой видеокамеры. Хотя узнать это часто было затруднительно: задавать вопросы Апти нужно было так, чтобы он мог ответить «да» или «нет». Рассказывать это всем было излишне. Знали об этом только Магомед и ближайшие родственники. К тому же Апти не знал, что такое скука или усталость; все это делало его идеальным сторожем.

Апти наклонился к его окну и помотал головой. Это означало «нужно поговорить». Магомед открыл окно, Апти мотнул головой в сторону домика охраны. Это было царство мониторов, где Апти был полновластным хозяином. Апти подготовил презентацию – он ткнул пальцем в монитор и дату на нем. Там была видна сильно тонированная черная машина, неновая «ауди». Она была снята с камеры, висевшей на середине от съезда с развязки к дому. Машина

развернулась и уехала, как будто водитель неправильно свернул. Апти показал дату и время. На следующем мониторе была видна эта же машина, снятая с камеры на шоссе возле поворота. «Ауди» стояла на обочине, как если бы водитель вышел прогуляться в лес. Однако из нее никто не выходил. Машина простояла больше часа и уехала. Таких появлений за месяц было пять. Каждый раз на машине были разные перегонные номера и цветные наклейки, таким образом, компьютерная система не зафиксировала совпадений. Конкретно к их дому машина ни разу не подъезжала, по этому съезду с шоссе было несколько домов состоятельных людей.

– Ты уверен, что это одна машина?

Апти кивнул головой. Он вывел изображение крупным планом из каталога производителя. Машина на камерах была подержанной, и некоторые внешние элементы отсутствовали, имели дефекты или были заменены. Совпадение было очевидным, но его мог выявить только Апти, а не компьютер.

– Сегодня посмотрит Салман. Он займется. Я скажу ему зайти к тебе.

В офисе утро понедельника начиналось с совещания управляющей компании. Это тоже была традиция, заведенная еще его отцом Мусой давным-давно в проектном институте. Порядок выступлений тоже пришел отсюда. Так сказать, обычай предков. Сообщение финансового директора. Маркетинг, продажи. Вопросы службы по связям с общественностью. Директор по персоналу – изменения по требованиям к электронным системам контроля рабочего времени. По сети прослушали сообщения о состоянии дел в дочерних акционерных обществах. Директор по информационным технологиям – сможет ли Магомед присутствовать на встрече с директором филиала «Майкрософт» по согласованию цены корпоративного пакета? Директор по безопасности – вопросов к совещанию никогда нет, помотал головой. Магомед по молодости, когда стал руководителем, пробовал обойтись без этого совещания, но потом решил, что оно очень важно для командного духа.

Вторая структура Магомеда собиралась с утра в диванной и пока что пила чай и развлекалась разговорами. Здесь были его брат Ахмед, Салман (человек, отвечающий за безопасность семьи), Аслан, сегодня присутствовал старший сын Магомеда Рамзан, приехавший по делам в Питер из Сибири, и еще несколько доверенных лиц. В центре, как обычно, был Ахмед.

Вся молодежь обожала дядю Ахмеда. Ахмед был тот же Магомед, только теплый, добрый и любил, когда его подкалывали. Сегодня Салман попросил Ахмеда растолковать буддийскую терминологию.

– Ахмед, ты мудрый человек, ты можешь мне такое объяснить? Я думал вчера весь вечер, одна вещь мне покоя не дает. Поехал я с детьми погулять на Елагин остров и зашел в дацан. Увидел там большую картину. По кругу такие кадры: счастливая молодая мать с ребенком на руках, потом там дети играют на красивой зеленой лужайке, потом голая женщина с прекрасной огромной задницей, – Салман сделал широкое округлое движение руками, – а сзади пристроился мужчина, довольно такой упитанный, ну типа тебя, только не накачанный. Дальше: три друга сидят за столом, полным фруктов и кубков с напитками. Потом, сразу видно, два святых человека или ученых разговаривают под звездным небом. Потом такой старик благородного вида сидит, окруженный внуками или учениками, ну а сверху светит солнце, звезды, хвостатые кометы и горы почти как у нас. Еще животные, олени, охота между делом.

– Ну?

– И рядом написано пояснение: «Колесо сансары. Картина символизирует вечный круговорот перерождений и мучений живых существ». Я ничего не понял: какие такие мучения, ворочался даже перед сном, минут пятнадцать заснуть не мог. Как это понять, Ахмед?

– Может это олени мучаются, дядя Ахмед? – предположил Аслан.

Мужчины посмеялись.

– Я тебе, Салман, так скажу. Когда мне надо было отсидеться полгода, Магомед отправил меня в Англию, типа на учебу. Первые две недели я жил в общежитии на этих курсах.

Ниже меня жил негр. Этот негр, короче, всю мою горячую воду перехватывал. Я кидаю фунт, а нагреватель общий, и этот негр на весь мой фунт принимает душ.

– Дядя Ахмед, «негр» говорить неуважительно. Нужно говорить «афроамериканец», – сделал замечание Рамзан.

– Это он в Африке афроамериканец, а когда в Европе, тогда негр, – вставил Аслан.

– Это старших перебивать неуважительно. Как мы вас воспитывали? Короче, день он воду забрал, второй день забрал. Встречает меня, улыбается до ушей, хэллоу, типа, фрэнд. Что мне этот фунт? У меня этих фунтов полные карманы. Может, у него нет фунта помыться? Так зайди, объясни уважительно, как человек. Зачем улыбаешься? Радуетесь, что Ахмеда сделал? Третий день, короче, кидаю фунт, слышу, он под душем, а у меня три капли. Специально, получается, ждал. Я вытерся, надел кроссовочки, штаны удобные тренировочные, спустился вниз, он как раз выходит. Смеется, ему дико весело, понял? Я ему: поговорить надо, он: ноу тайм, спешу, короче. Затащил я его в комнату, у него там стояла лампа такая, в руке удобная. Лампа разбилась, вся погнулась. Вот такое, понимаешь, колесо сансары. Смеешься, идешь к успеху, а через минуту лежишь с абажуром вместо кепки на голове. Думаешь, что ты в нирване, а на самом деле ты весь в сансаре по уши.

– Вот такие у дяди Ахмеда воспоминания об Англии, стране высокой культуры, – задумчиво сказал Аслан.

– Расскажи еще что-нибудь об Англии, Ахмед, – попросил Салман.

– Да очень красиво и чисто, только скучно. Если бы я с Этель не познакомился, я бы с ума сошел.

Все помолчали, на этот раз никто не стал шутить. Ахмед никогда не стеснялся говорить о важном с молодыми. Никогда не боялся выглядеть глупо или смешно. Совсем как Абу. Да он и научился этому от дяди Абу. Но чтобы не бояться выглядеть глупо или смешно перед младшими, нужно иметь такой авторитет, как у Абу или Ахмеда.

С утреннего совещания пришел Магомед с финансовым директором холдинга Яковом Трахтенгерцем. Трахтенгерц был одним из немногих посторонних, не родственников, который в диванной был своим. Все пошли на совещание в кабинет Магомеда.

Глава 2. Семейные ценности

Башня в облаках. XX век, 70-е годы

Если подъезжать по нижней дороге, то часть пути придется проехать по руслу реки в узком ущелье, потом попадаешь в низину, почти всегда заполненную легким туманом. И сквозь туман видишь на вершине башню. Выше только снежные вершины Главного хребта. Если ехать по верхней дороге (о ней знают только местные), то увидишь обширную замкнутую долину, в которую спускаются ледники. Бурная стремительная река с водопадами берет начало от этих ледников. Поэтому в низине всегда прохладно, даже в разгар лета, и легкий туман расходуется только во второй половине дня даже в жару. Посреди долины повыше на склоне, где потеплее, стоит старая башня. Никто не знает точно, сколько лет этому укреплению. Считается, что она видела войско Тамерлана в XIV веке. Насчет Тамерлана точно не известно, но русские войска в 1840-х годах дважды предпринимали ее штурм. Первый раз неудачно, но через несколько лет им удалось взять ее. Орудиями они проломали стену и перебили защитников. Русский командующий генерал-лейтенант барон Дельви́г велел разрушить башню. Не из ненависти – в те времена русские генералы не испытывали ненависти к горцам, – а просто чтобы уничтожить хорошую фортификацию противника. Но тут наиб Шамиля Хаджи-Мурат ударил из Дагестана, и русский отряд ушел, а пролом в башне предки Магомеда отремонтировали – там и сейчас видна более свежая кладка. В 1995 году русский штурмовик выстрелил ракетами в башню просто из хулиганских побуждений, причинив ей более серьезный ущерб, чем русские ядра за 150 лет до этого. Этот пролом отремонтировал Абу с бригадой строителей из города между двумя войнами.

Дядя Абу и показал Магомеду башню первый раз. «Здесь наше сердце», – сказал он детям. Абу пригнал из города новый УАЗ-469 и поехал прокатить детей по окрестным горам. Именно такой открылась башня: стоящая на вершине над облаками.

В большой дом Абу в горном селе городские родственники привозили детей на лето. Все ребята хотели понравиться дяде Абу. Здесь же, в селе, были еще более старшие родственники, но контакт с ними был уже затруднен из-за пропасти лет. В семье почти не разделяли детей. Отец, его братья для детей были просто «старшие». Но дядя Абу был для всех особенным.

В семьях считается неприличным баловать родных детей. Наоборот, к своим детям родители относятся строже. Скажем, мать всегда положит младенца в коляску, если держала его на руках, а навстречу идет старший родственник. Но нести на руках ребенка сестры или жены брата – в этом нет ничего неприличного. Поэтому, когда сын приезжает проведать родителей, младшая сестра всегда выскочит за дверь, чтобы принять из машины грудного ребенка и не ставить жену брата в неловкое положение.

В те времена дядя Абу работал участковым милиционером. Утром Абу отправлялся пешком по делам с неизменной красной папочкой. Что было в этой папочке, так и осталось загадкой для Магомеда. Потому что Абу тщательно увиливал от милицейской писанины, сводя ее к абсолютному минимуму. Он любил обходить село пешком, не спеша, здоровался с людьми, с местными и приезжими, узнавал, как дела, что к чему, как здоровье стариков, у кого какие планы. Его приветливые простоватые вопросы плохо знающим его людям казались просто любопытством деревенщины. Но Магомед знал, что жизнь села для дяди – это клубок отношений, родства, намерений, надежд, симпатий, обид. В горах люди живут подробно – это не город, где люди сталкиваются и расходятся в бесконечность. Город учит равнодушию. А здесь помнят всё. Образ жизни здоровый, и склероза ни у кого нет. Так что если обидел кого, проявил неуважение – тебе могут напомнить и лет через сорок.

Абу видел проблемы и кризисы еще до того, как они могли случиться. Оно ведь как в горах? Например, два пацана с разной фамилией в третьем классе не любят друг друга. В школе там заденут плечом, кнопки положат на стул товарищу. В выходные молодежь, человек пятьдесят, идет погонять в футбол и потусить на берегу реки. И вот один из этих пацанов сбивает другого, нечестно, подло, так что тот разбивает лицо. Один из старших братьев пострадавшего дает пощечину обидчику. Нормальную такую, силовую пощечину, так что чуть голова не отлетает. Ну а тут как назло рядом у обоих еще братья, только пришедшие из армии, а у одного как раз из зоны старший братишка подошел со своими манерами. В результате поножовщина, раненые и труп, что ужасно, потому что трещина по селу, на долгие годы семьи разделены кровью, а жить рядом.

На участке Абу такое невозможно. Он уже в курсе, кто кого не любит. Поговорит со взрослыми, перекинется парой слов с учителем. Узнает, какие планы у парней после армии. Как устроились, как работа. Думают ли о женитьбе или дурака валяют. К братану, который с зоны откинулся, зайдет, намекнет, не пора ли в город выдвигаться такому отважному и талантливому джентльмену, чем водку пить и бездельничать по селу. Если джентльмен намек не понял, Абу может его и в обезьянник в райцентр свозить суток на пятнадцать, там лучше думается. Абу очень любил слово «джентльмен», оно привязалось к нему после фильма «Джентльмены удачи». А потом благодаря мальчишкам, в воспитании которых он принял участие, это слово стало почти семейной особенностью.

В детстве Магомед почти не разговаривал. Однако Абу выделял его из всей остальной оравы подростков, толпившихся летом у него в доме. Непонятно почему, ведь среди них было много более ярких личностей. «О чем ты с ним разговариваешь? – как-то спросила его жена. – Он же все время молчит». – «Он слушает», – ответил Абу.

Дядя Абу был человеком, который без всего этого детского сада не представлял свою жизнь. Он вообще был центром всей семейной жизни. Все съезжались к нему. Все важные семейные решения обсуждались на собраниях в этом доме. Трудно сказать, сколько было народу в один момент в доме Абу в разгар летних каникул. Это не считая его собственных восьми девчонок. Абу очень хотел сына. К рождению шестой девчонки он немного приуныл. Он очень просил Всемогущего позволить ему иметь сына, но когда родилась восьмая девочка, он понял, что у Всеведущего почему-то другие планы. Абу в вере крепок, и раз так – значит, так.

Ворота в просторный двор Абу были всегда открыты. Этот двор был сельским клубом. Заходили родственники и соседи поговорить на скамейках под деревом. Летом целый день орава подростков там же, во дворе, играла в шахматы. Играли блиц на пять или пятнадцать минут. Многие играли очень хорошо. Лучше всех играл Салман, это началось с раннего детства, даже Магомед, когда уже готовился поступать в Физтех, редко выигрывал у него.

– Ой, спаси меня Аллах! – притворно закатывал глаза Салман, когда соперник нападал на его фигуру. По шахматным часам лупили так, что за лето успевали расколотить двое-трое, Абу привозил их из магазина «Динамо» в городе.

Вечером старики садились поиграть в карты за стол в беседке из дикого винограда. Самым удачливым игроком был дед Хасан. В пятидесятые годы он провел несколько лет в тюрьме, за то что хранил Коран и объяснял его всем желающим. Выпустили его, потому что поняли, что упорного горца все равно не отучишь совершать намаз. Не помогали ни беседы в спецчасти, ни штрафной изолятор. Дикарь, одно слово. Его пример разлагающе действовал на других заключенных, поэтому его сплавляли в колонию-поселение, потом освободили. Лет за десять до этого расстреляли бы, да и дело с концом. Но уже времена были более гуманные. В карты он научился играть в тюрьме. Там же он выучил массу русских пословиц, которые творчески сокращал.

– Риск – благородие, – говорил он, делая ход.

– Без труда не выловишь, – забирая взятку.

Позже, в 80-е годы, видеомагнитофон и большой телевизор выносили во двор под большое дерево. Смотрели исключительно голливудские боевики. Всякие ужастики и фантастика не пользовались успехом. Неподвижные старики в папахах, в одинаковых позах, с прямой спиной, опираясь двумя руками на посох перед собой, сидели на скамейке. С непроницаемыми лицами они смотрели, как Чак Норрис побеждает зло ударами ногой с разворота в голову. Молодежь сидела и лежала на чем попало и просто на земле и одобрительно гудела, оглядываясь друг на друга в особенно классные моменты. После окончания просмотра немедленно шли за дом пинать стенку, кто выше. Можно сказать, что Чак Норрис был кумиром горцев в те далекие времена. Даже молодой Шварценеггер не затмил его славу. Даже Стивен Сигал, вкусно хрустящий костями злодеев. А теперь уж никогда никто не затмит, потому что сейчас один гламур, который нам, горцам, отвратителен.

Голливудская мелодрама совершенно не прижилась. Мелодрамы смотрели индийские. Нам, горцам, нужны настоящие страсти: так чтоб начиналось с жуткой несправедливости, так чтоб у героя убили папу, маму, чтоб это сделал могущественный богатый человек, притворявшийся другом отца. А брата героя, маленького, еще чтоб ничего не понимал, этот враг забрал. И чтоб герой ничего не знал, не понимал. И героя обвинить в убийстве родителей и в тюрьму или сумасшедший дом лет на пятнадцать. Он выйдет, весь крутой, и, понятно, начнет расследование, откроет страшную правду и полюбит дочь могущественного врага. И она полюбит его. И уже младший брат весь в золоте, он уже стал как родной сын для могущественного врага. И младший брат приходит убить героя, не знает, что они братья. Нужно, чтобы финал во дворце, везде ковры, золото. «Стой, – кричит дочь, – это твой брат!» Дрожит рука с револьвером у младшего брата, не знает, как поступить. «Убей, если ты мне сын», – кричит могущественный враг. «Нет!» Могущественный враг стреляет сам, но младший брат заслоняет собой старшего. Умирает: «Я счастлив, брат, что нашел тебя». Герой вместе с могущественным врагом рыдают над телом. От горя враг стреляет себе в голову и сердце, долго умирает на руках дочери, которую успокаивает герой. Конец. И мы все во дворе дяди Абу не смотрим друг на друга, чтобы не увидеть слезы в глазах брата. Ползут титры: Радж Капур – Раджив Капур – Шакти Капур – Шаши Капур – Карина Капур – Ранбир Капур, и приходится смотреть их до конца, пока не щелкнет магнитофон, отдавая кассету. Вот какое было искусство – это вам не Анджелина Джоли с Томом Крузом бла-бла-бла. Хотя как раз Том Круз ничего: похож на нашего человека внешне, подтянутый, и взгляд дерзкий такой.

Именно к Абу прибежал Ахмед с криком: «Долбаный Борз порвал Магомеда!» Борз был лохматый, страшного вида волкодав. В те времена Борз доходил Магомеду до плеча.

Ахмед в детстве боялся собак, его сильно покусали, и он от страха ненавидел Борза. «Не ругайся», – сказал Абу и выскочил во двор. Магомед сидел бледный, зажимая руку, крови действительно было много. Абу подхватил Магомеда и повез в больницу райцентра, где ему зашили руку и сделали уколы.

Когда вернулись, Абу достал патроны, снял со стены ружье и сказал:

– Пойдем, застрелишь пса.

– Я не буду этого делать.

– Ты должен. Или это сделать мне?

– Мы не будем убивать Борза. Он не виноват.

Произошло вот что: кошка соседки, старой русской учительницы, которая жила в селе с незапамятных времен еще до Выселения, не смогла запрыгнуть на забор, когда за ней погнался Борз. Похоже, кошка была не намного моложе хозяйки. Тут бы ей и конец, но Магомед бросился на Борза. От неожиданности пес цапнул Магомеда.

Осталось понять, не трусит ли парень.

– А почему он может покусать тебя и не пострадать?

– Он защищал наш дом.

Абу отлично разбирался в людях и во взгляде мальчишки не видел страха. Он всегда был рад, если напряженность удавалось снять, а еще лучше – если можно посмеяться в конце.

– Твоя жизнь не будет простой, – сказал старший.

Таким образом инцидент был исчерпан. Оставалось только дать в лоб Ахмеду, чтобы больше без спроса не бегал докладывать дяде Абу. Но это можно было сделать потом, когда снимут швы.

«Ты ошибался, умный дядя Абу, моя жизнь проста и всегда была простой», – думал Магомед, вспоминая Абу. С возрастом все становилось только понятнее – значит, проще, значит, лучше.

Кстати, старая учительница ничего не узнала об этой истории. Мальчишки дяди Абу доставляли ей одни неприятности. Жители высокогорья не сажают фруктовые деревья долин, потому что они вымерзают раз в несколько лет в суровые зимы. Выживают только некоторые сорта яблонь и вишни. Учительница была сослана сюда из Краснодарского края и упорно высаживала всякие черешни-абрикосы со своей родины, которые успевали дать один-два хилых урожая, после чего неизбежно наступала волна холодных зим.

Мальчишки обрывали все это еще зеленым, так что отношения не клеились. Еще у нее был патефон (настоящий механический патефон!), который она пару раз в год заводила послушать, и набор тяжелых черных пластинок для него.

Однажды она отобрала у Магомеда и Ахмеда брызгалки, прекрасные брызгалки из пластиковых баллончиков, из которых они брызгали на ее кошку, и выкинула их в сортир. Такие баллончики можно было найти только в городе, лето поблекло, каникулы коту под хвост. На следующий день Магомед с Ахмедом проникли к ней в сад на веранду и разбили несколько пластинок для патефона.

Через много лет Магомед сказал своей жене Заре, которой он говорил то, что не мог сказать другим:

– Стыд – удивительное чувство. После всего, что было в моей жизни, мне больше всего стыдно за то, что мы перебили тогда пластинки этой учительницы.

Свободная женщина Востока. Весна 2010 года, понедельник, обед

Магомед остановил «ягуар» на пустой стоянке загородного ресторана на берегу Финского залива. В понедельник в это время года они были единственными посетителями.

– Рад тебя видеть, – поздоровался Магомед.

– Почему? – спросила Лейла. Она любила вопросами ставить людей в тупик и постоянно тренировалась в этом.

– Потому что ты не такая, как все. Потому что ты помнишь моего отца. Потому что мы друзья.

Теперь Лейла была известной журналисткой, редактором газеты, ведущей популярных программ и частью московского бомонда. Теперь Лейла называлась Лилией и носила русскую фамилию мужа. Ее отец заведовал кафедрой истории университета их родного города и дружил с отцом Магомеда, так что они с Лейлой были знакомы с раннего детства.

– Когда ты дашь мне большое интервью?

– Когда-нибудь потом.

Они улыбнулись. Магомед ни разу в жизни не дал интервью, не выступил со статьей. Даже участвуя в официальных мероприятиях и приемах, он избегал камер и любой необходимости высказываться.

– А хоть небольшое, но с фотографией на разворот?

– Я не такой фотогеничный, как Ахмед.

Они еще раз посмеялись. Это была старая история: в конце Первой войны Лейла с группой западных журналистов ездила по горным районам. Интервью Ахмеда не планировалось, его отряд должен был сопровождать группу по контролируемой территории. Но Ахмед не упустил возможность покрасоваться на камеру. Интервью получилось действительно хоть куда. «Что вы думаете о своем противнике?»

– Мне жалко этих ребят, – сказал Ахмед. – Когда меня убьют, я буду знать, за что я умираю, – Ахмед обвел рукой вершины сзади себя, – а за что умирают они?

Фотографии получились еще лучше. Могучий бородатый красавец с пулеметом на плече на фоне гор и водопадов до сих пор украшал фотовыставки Европы.

– Я плакал, когда смотрел, – сделал ему тогда выговор Магомед. – Это ты здорово сказал. Все же подумал бы, прежде чем свою морду с пулеметом светить на ВВС.

Всё от того, что Ахмед был поэтом. Он пописывал стихи даже во время войны. Иногда, кстати, неплохие. Он поддался красоте момента, красоте гор, красоте женщин, бравших у него интервью. Когда эти «ребята», грязные, как черти, с запекшейся под ногтями кровью, второй день без отдыха штурмовали здание завода, которое защищал их отряд, и у него кончились патроны, Ахмед испытал такое отчаяние, что если бы у него была атомная бомба, он без раздумий взорвал бы себя вместе с этими детишками и своим отрядом. Но атакующие вдруг выдохлись, не дойдя несколько десятков метров, и отряд смог отступить. Это было одно из чудес, которое Всевышний явил Ахмеду.

Ладно, это было давно. А теперь Магомед и Лейла сидели в ресторане с видом на хмурый Финский залив.

– Как служба? – спросила Лейла.

Это был их давний разговор: Лейла говорила, что жизнь в семьях горцев напоминает службу в армии: люди так же с возрастом двигаются по лестнице. На это Магомед отвечал, что в семьях сложнее, чем в армии: капитан смело рассчитывает, что станет майором, а в семье все зависит от пользы, которую ты приносишь.

– Служба предполагает, что кому-то подчиняешься. Я уже никому не подчиняюсь. Я типа царь.

– Неудобно спорить с таким умным человеком, но мне кажется, ты ошибаешься. Неужели нет людей, приказ которых ты исполнишь?

– Просьбу. В моем положении уже не получают приказов.

– Отложим эти церемонии. Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Конечно, есть люди могущественнее меня и организации сильнее и богаче, чем наша семья. Они могут меня принуждать или проявлять настойчивость. Но я уже действую не по приказу. Я попробую тебе объяснить. Скажи, почему мы вступили в войну, когда вторглись русские? Русские мешали нашей вере? Мечети уже можно было строить сколько угодно. Мешали нам делать дела? Нет, наоборот, наши дела сильно пострадали от войны. Мешали нам жить по нашим законам? Они никогда не понимали ничего в наших законах. Была задета честь. Я тогда уже имел бизнес в Питере, мы с Ахмедом уже нормально устроились. Я подумал и понял, что нужно ехать. А Ахмед всегда делает, как я.

– А Ахмед свободен?

– Я Ахмеду ни разу в жизни не приказывал. В серьезных вещах. Не в бизнесе, конечно, и не на войне. В бизнесе и на войне он мой подчиненный.

– У тебя не свобода, у тебя сплошная осознанная необходимость. Что ты сейчас чувствуешь, когда читаешь новости о Большом адронном коллайдере? Мимо обычных людей проходит все важное, потому что они неспособны это понять. Сообщение о телепортации квантовых состояний прошло на последних страницах. Но ты был создан для особого пути, все это знали. Даже твои братья знали, что ты особенный, когда кричали: «Мага, бросай задачи, пошли в футбол играть, сильно умный, да?»

– Честно и специально тебе признаюсь: я чувствую приятную боль, когда читаю об испытаниях коллайдера. Как трубач, который забросил трубу, чтобы открыть ресторан. Я некоторых знаю, я слежу, как там у них дела на коллайдере. Только не говори никому.

– Сначала ты уехал из Объединенного института на родину, потом война... Ты никогда не думал, что свернул с пути?

– Вернуться мне предложил отец – он хотел передать мне проектный институт. Этот институт был делом его жизни. Он его создал. Сказать ему «нет» я не мог. Ты счастливая. У тебя свобода сама по себе. Мой мир устроен по-другому. Я свободен только в моменты принятия решений. Совесть должна подсказать мне решение. Потом я должен выполнить свое решение. Когда я принял решение, появляется долг. И тогда я уже не свободен. Честь заставляет следовать долгу. Если долг и честь приходят в противоречие – время снова принимать решение. Вот так в моем мире, по кругу: Свобода – Совесть – Долг – Честь. Я мог уклониться от войны. Я был свободен. Совесть и честь мне сказали, что нужно ехать. А когда я сделал выбор и командовал отрядом – какая уж тут свобода.

– Таким образом, эти моменты свободы очень короткие.

– Иногда по несколько секунд. Но важно их чувствовать. Первый раз я это почувствовал в детстве, когда отказался застрелить собаку, которая меня укусила. Сейчас никто не посмеет мне сказать, что я трусил, да и никому это в голову не придет. А тогда мне было трудно, действительно трудно. Все братья, все старшие ждали, что я застрелю этого пса. И хотели этого. Я тогда первый раз почувствовал давление обстоятельств. Оно казалось непреодолимым, но я смог устоять и поступить по совести. Честь и совесть – это почти синонимы для меня. Свобода, долг, честь, совесть – всё одинаково важно. Если нет хотя бы одного, всё пропадает. Несвободный человек с честью, понимающий, что такое долг, хуже всего – марионетка в чужих руках. Задавить свободу пытаются именно рассуждениями про долг и про честь.

– Звучит хорошо. Ты умеешь убеждать. Но есть факты: европейцы произвели науку, машины, электронику и еще много чего. Я не феминистка, но тебе не приходило в голову, что мусульманскому миру это не удалось, потому что не хватает свободы и равенства женщины?

– Слушай, может, погостишь у нас, объяснишь Заре про приниженное положение женщины, а то я совсем под каблуком, – посмеялись. – Но промышленная революция в Европе началась до свободы и равенства женщин.

– Магомед, я не была свободна. Я освободилась. Но быть свободным – это право и обязанность человека. Быть рабом грех. Извини, я разгорячилась. Тебе не с кем обсуждать многие вещи, я вижу.

– Иногда молодость прорывается. Иногда не хватает ребят, с которыми я учился в Физтехе. С которыми я работал в Институте ядерных исследований. Мы часами могли говорить на эти темы. Задай лучше какой-нибудь нормальный журналистский вопрос.

– Мне очень интересно то, о чем ты говорил. Я пишу книгу об альтернативах развития, собираю материал уже много лет. Все журналисты желтых изданий в душе мечтают написать о судьбах человечества окончательный, всё объясняющий труд. Свой собственный «Конец истории». Что была осенью за история с танцами твоих джигитов?

– Слушай, даже не понял, почему это так разошлось в Интернете. Приезжал в отпуск мой старший, Рамзан. Вместе с Асланом, Султаном и Мовлади поехали в клуб куда-то на Петроградку. На Каменноостровском попали в пробку, час стоят, с места не двигаются. День хороший, солнечный, настроение отличное, машина дорогая, все спортсмены и красавцы. Мовлади выскочил и давай лезгинку плясать. За ним Султан. Аслан и Рамзан ребята взрослые, серьезные. Из машины не выходили, сидели спокойно, только криками подбадривали и из пистолетов в воздух стреляли. Из соседних машин сняли, выложили на ю-туб. Пробка рассосалась, парни сели в машину и поехали в клуб. По номеру машины ко мне притаскиваются менты, что за дела, беспорядки, нагнетание национальной розни, к тому же нарушение правил уличного движения.

Денег хотели. С ними Ахмед разговаривал, в чем, говорит, нагнетание? Исполнять народные танцы народа России? Желтые жилеты не надели на проезжей части плясать? Малозначительные такие менты, типа районные. Ахмеду пришлось им немного денег дать за стрельбу. Парням Ахмед провел воспитательную беседу на тему скромности и приличного поведения. На тему едешь себе тихонечко на «мазератти», скоростной режим соблюдаешь, правила движения не нарушаешь – так прилично серьезному молодому человеку. Нечего давать повод ментам таскаться, огорчать старших. Собственно, и всё. Но раскрутился скандальчик небольшой через телевидение местное и Интернет. «Танцы дикарей» и всякий такой примитивный расизм и ксенофобия. Что за чушь? От зависти? Мне вот хоть на каждом светофоре пусть выпрыгивают из машин и вприсядку – я донос писать не стану, я только скажу: «Ай, молодец». В Берлине эти балбесы выкинули такой же номер – там прохожие останавливались, в ладоши хлопали и радовались.

– Еще задам вопрос: у меня есть информация, что у тебя появился проект с китайцами.

– Контора большая, – пожал плечами Магомед, – вполне возможно. Я узнаю. А что за проект?

– Транспортный терминал.

Несколько секунд Магомед думал, глядя через стекло на серые волны залива.

– То, что я не даю интервью, еще не означает, что я не могу уточнить твою информацию или помочь тебе разобраться. Говори дальше.

– Мой источник сообщил, что китайцы организуют несколько крупных участков под строительство транспортных терминалов.

– Это хорошо, подъем экономики. Не вижу пока ничего особенного. Это большие интересные проекты, но не гигантские.

– Я расследую большое дело о злоупотреблениях в правительстве, эти проекты – часть картины. Какова твоя роль в проекте?

– Моя роль в любом деле – получить прибыль.

Магомед знал, что Лейла не раскроет источник, поэтому спросил другое:

– Когда ты узнала о моем участии?

– Несколько дней назад.

– Ты можешь точнее?

– В начале прошлой недели.

– Что тебе или твоим людям не нравится в этих проектах?

– Согласно декларации у них очень длительная окупаемость. Источники финансирования также не прозрачны, хотя в Китае за любыми источниками стоят чиновники.

– Это вполне по-китайски. У меня были торговые дела с китайцами. Они по-другому смотрят на вещи. Не скажу, что я их всегда понимаю. Но один из моих принципов – обязательно понимать цели партнера, если он доказал свою добросовестность. Нужно понимать свою выгоду. И как ты ее получишь, если партнер попытается тебя обмануть или подставить. В данном случае китайцам затруднительно возиться с правами собственности, документацией и разрешениями на местном уровне, они попросили оказать им эту услугу. У меня есть проектная контора такого профиля, я этим займусь.

– Можешь считать это женской интуицией, но я бы не стала. Не лезь в это дело.

Магомед почувствовал, что она сдерживает волнение. Это по-настоящему важно.

– Я верю в твою интуицию. Даже больше: в твой ум. Я услышал тебя.

Магомед усадил Лейлу в ожидавшее такси. Подошел к своей машине. По пустой стоянке задувал ветер, под серым небом залив накатывал на камни серые волны. Проблема состояла в том, что согласие на участие в проекте с китайцами он дал Ляну два дня назад.

На конгрессе инвесторов два года назад структуры Ляна – китайского предпринимателя с корейскими корнями – презентовали большой строительный проект. Все было немного с

излишним размахом, мутно, даже вроде не очень прибыльно, вообще непонятно, зачем китайцам это нужно. Магомед отчасти из любопытства, из желания разобраться познакомился с Ляном. У них быстро нашлись точки соприкосновения в бизнесе и появилась взаимная симпатия.

Магомед интересовался Китаем. Он был знаком с несколькими предпринимателями из Китая, и чувствовал, что есть какая-то Великая культурная стена, разделяющая их. Великий Файервол, информация сгорает при прохождении, даже если добросовестно отправлена. На праздновании Миллениума Магомеду пришла в голову мысль: кто из народов встретит следующее тысячелетие? Каждому человеку свойственно надеяться на продолжение именно своего рода, однако только за два народа можно быть более-менее уверенным: за китайцев и евреев.

Лян свободно владел русским языком и в разговорах с Магомедом был вполне откровенен. С точки зрения господина Ляна общество северных варваров устроено очень просто (что, собственно, и делает их варварами). В цивилизованном обществе люди играют множество ролей и взаимодействуют множеством ритуалов, у варваров все гораздо проще. Все их структуры и организации – это на самом деле преступные сообщества, сражающиеся за свой кусок пирога.

В обществе варваров постоянно происходят какие-то реорганизации. Переименовывая, соединяя и разъединяя, они надеются достигнуть прогресса. Они не понимают, что в грязном доме бесполезно переставлять мебель, а нужно просто взять веник. В этом смысле сотрудничать с государственными структурами в России было сложно ввиду риска исчезновения преступного сообщества.

У Ляна не было национальных предубеждений. С точки зрения Ляна, структура и мотивы Магомеда были проще и понятнее.

С точки зрения Магомеда, сотрудничество с господином Ляном тоже было довольно безопасным, потому что у него было что отобрать в случае, если что-то пойдет не так. В начале серьезного проекта Магомед объяснял партнерам особенности своего взгляда на бизнес.

– Господин Лян, вас обманывали когда-нибудь? – спросил он еще в начале знакомства пару лет назад, когда они обсуждали первую серьезную сделку.

Лян пожал плечами:

– Я же предприниматель. Много сделок, много разных людей. Попадались всякие.

– Меня никогда не обманывали, – Магомед помолчал. – Некоторые приходили, чтобы меня обмануть. Но потом решали этого не делать. Я вижу перспективу с вами, поэтому хочу, чтобы мы понимали друг друга. Как вы относились к тем, кто вас обманул?

– Обычно мне и моим друзьям удавалось убедить их поступить правильно. Это ведь так хорошо, когда поступают в соответствии с договоренностями. Ну а нет – вы знаете, конечно, нашу мудрость: рано или поздно я увижу, как его труп река пронесет мимо меня.

– Я хотел бы пояснить очень важную вещь: я буду страшно расстроен, если увижу труп врага, который река проносит мимо меня. Я просто места себе не найду, если это не я его туда поместил.

– Я знаю об этом, – Лян слегка улыбнулся.

– Понимаете, это вопрос не денег. Это вопрос чести. Деньги – это важно. Сделка – это важно. Но почему он подумал, что имеет право меня обмануть? Почему он подумал, что просто так возьмет мои деньги, деньги моей семьи, и будет жить спокойно, наслаждаться и ничего ему не будет? Мне будет стыдно перед братьями, перед людьми, которых я уважаю. Понимаете?

Лян кивнул:

– Магомед, я вижу сделку. Мы, китайцы, похожи на евреев. Мы хотим, чтобы сделка была выгодна обеим сторонам. Это залог безопасности, залог будущих сделок. И вообще это правильно, – Лян помолчал. – В этом смысле с русскими трудно. Они любые сделки считают невыгодными. Они считают, что все их обманывают. Я думаю, у вас этого комплекса нет.

– В моей Книге написано, – сказал Магомед, – «Порядочный торговец – под сенью престола в Судный день. Не стяжайте имущества друг друга несправедливым путем, а только путем торговли по взаимному вашему согласию». Я стараюсь следовать заповедям.

– Поверьте, то же самое поняли и мы еще пару тысяч лет назад.

Тогда Магомед не почувствовал сигнала опасности. Лян или действительно не хотел обмануть, или был очень в себе уверен. С тех пор Лян несколько раз подтвердил свою добросовестность. Почему тогда об участии Магомеда в проекте Лейла узнала раньше, чем он сам?

Семейный очаг. Весна 2010 года, понедельник, вечер

Пужинать собрались в шашлычном домике. Летом часто ужинали здесь, почти каждый вечер. Но этой зимой было напряженно с делами, возвращались поздно, в разное время. Так что недели две огонь не разжигали. Но Магомед сказал Заре, что у него есть настроение на шашлычки. Близнецы Ахмеда уже разожгли огонь, труба и очаг прогрелись, в домике было жарко. Несколько лет назад по вечерам тут собиралось больше народу, но теперь дети выросли и разъехались. С родителями жили близнецы Ахмеда и маленькая Роза.

Женщины принесли нарезанные овощи, блюдо с фруктами, заварили чай. Подошел Ахмед с большой бутылкой колы под мышкой и соками. Магомед крутил над углями шампуры с шашлыками. Женщины разговаривали за чайным столиком с фруктами и печеньем. Дети жарили на углях какую-то гадость, похожую на пластмассовые леденцы, превращавшиеся в бурую массу на палочке. Близнецы закатывали глаза – как вкусно! – и громко смеялись. Роза (уже серьезная девушка, пятый класс гимназии) вздыхала – стеснялась этих придурков. Магомед хотел сказать детям, чтоб не ели много этой дряни, но Ахмед заступился:

– Слушай, Мага, оставь их в покое. Вспомни голубей, которых мы в детстве жарили на костре.

Голубей били из мощной рогатки, у отца на опытном производстве Ахмед раздобывал необычайно эластичную прочную резину. Жарили голубей на костре за гаражами.

– Во-первых, мы их добывали на охоте, во-вторых, голуби были экологически чистые, – ответил Магомед.

– Это городские-то голуби? Если честно, брат, я не мог избавиться от отвращения, когда мы их жарили на проволоке, – засмеялся Ахмед.

– Когда жарили – еще ничего, меня тошнило, когда нужно было есть! – засмеялся Магомед.

В приоткрытые в сторону ночного залива двери заглянул Аслан. Он жил в квартире на Приморском, ночевал здесь, когда с утра собирались очень рано выехать.

– Заходи, парень, не стесняйся! – крикнул ему Ахмед.

– Да я уже поужинал, – сказал Аслан.

– Ничего, в твоём возрасте шашлык лишним не бывает.

– Чтобы я стал таким красивым, как вы, дядя, – сказал Аслан.

Посмеялись; как многие спортсмены, в молодости развившие большую мышечную массу, Ахмед теперь неустанно боролся с лишним весом.

– Не, таким красивым, как я, у тебя все равно не получится, – сказал Ахмед.

Поели шашлыков с разными соусами. Налили чаю, соков, колы. Развалились на подушках.

– А вот скажи, брат, какое время самое счастливое в твоей жизни? – спросил Ахмед. Ему было хорошо и тянуло пофилософствовать.

– Сейчас, – не задумываясь, ответил Магомед.

– Нет, я имею в виду типа такой лучший период, типа как стоял на вершине и потом вспоминаешь.

– Были вершины, и все разные, – пожал плечами Магомед. – Да ты все знаешь о моей жизни.

– А про себя я точно знаю, брат. Когда машины из Германии гоняли. Когда поднимались. Помнишь эти сумки с деньгами, таможки-растаможки, пистолеты-патроны, разборки с парнями на авторынке? Первый раз по автобану на «мерседесе». Тому «мерсу», правда, было лет двадцать, как он не развалился на такой скорости, как мы не убились?

– Ты, брат, говоришь о молодости. Молодость лучше, чем старость, тут ты прав.

– Нет, брат, я о другом. Мы, мужчины, рождаемся путешественниками, пиратами, купцами. А теперь я сижу в кресле и смотрю на экране отчеты по просроченной дебиторской задолженности дочерних предприятий.

Одной из любимых фотографий Ахмеда был черно-белый снимок начала девяностых, где он весь такой с бицепсами, в рубашке с закатанными рукавами, в руке пистолет, а из раскрытой сумки торчат пачки долларов. А глаза бешеные, ай, что за жизнь!

– Тогда было хорошо. И сейчас хорошо, – сказал Магомед. – Мир меняется. И мы с тобой меняемся. Если б ты не смог меняться, ты бы сейчас был толстым хачем с авторынка в спортивном костюме, обдeldывающим мелкие делишки по постановке на учет угнанных машин.

Ахмед обиделся:

– Почему это мелкие? Я бы только премиум-сегментом занимался.

– Да я, брат, для остроты дискуссии подкинул, – посмеялся Магомед. – Ладно, завтра рано вставать.

Вышли на улицу. Из-за впадающих рек залив здесь почти пресный, почти не пахнет морем. Поглощающее свет небо, черная пропасть шумящего прибоем залива. Далеко в море огни парома, идущего в Хельсинки из Петербурга, легкое зарево Кронштадта. Из-за спины – свет открытых дверей шашлычного домика. Огни его дома, огни дома Ахмеда, дома Салмана. Дежурное освещение веранды гостевого дома, прожектор стоянки и гаража. Огни его крепости. Магомед обернулся к Аслану:

– Завтра, после того как съездим в область на совет директоров кирпичного завода, заедем еще в одно место на обратном пути. Населенный пункт Покровка. Посмотри дорогу. Проверим, что там забыл китайский предприниматель Лян.

Глава 3. Знаки

Комиссия по культурному наследию. Весна 2010 года, вторник

С Таней и Юрой они гуляют по городскому парку над рекой. Ночь. Похоже, что это выпускной вечер, потому что они с Юрой в костюмах и белых рубашках, Таня в красивом платье. Жарко. На небе мириады звезд. Теплым светом озарены аллеи и аттракционы. Невнятно доносится музыка с концертной площадки. Со стороны реки поднимаются трое вооруженных парней – лиц не различить, темные фигуры. Он должен защитить. В руках у Магомеда автомат, но вот проблема: нет ни патронов, ни магазина. Магомед сует руку в карман и находит патрон среди ключей и мелких денег. Он тянет затвор и закидывает патрон в патронник. Клацает затвор. Стрелять рано: патрон один, а нападающих трое. Выбор жжет душу. Странное ощущение от автомата без магазина. Таня ободряюще улыбается ему и достает маленький сотовый телефон. Какой сотовый телефон? Магомед понимает, что это было давно, даже очень давно, когда не могло быть у Тани никакого сотового телефона. Поэтому он проснулся. Он задремал в машине, выехали сегодня очень рано. Смысл знака прост, даже думать не надо. Отстрелянный патрон – исполнившаяся угроза. Больше не страшен. Заряженный патрон – даже если один, власть над многими. К чему это?

– Поворот на Покровку, – сказал Аслан.

Съехали с шоссе на грунтовую дорогу. Много лет здесь не пахали и не сеяли. Поля заросли кустарником. Иногда попадались почерневшие остатки хуторов и хозяйственных строений. Даже мощный джип еле полз по разбитой черной дороге. Да и людей здесь почти нет. За час, после того как они съехали с трассы, они не встретили ни одной живой души. Куда ведут эти дороги? Кого они соединяют? Пропетляв между холмами, поросшими лесом и еще местами покрытых льдом мелких озер, дорога неожиданно вышла на высокий берег реки. Начался вечер, и солнце, выглянувшее из плотных облаков, освещало городок Покровку на высоком холме на берегу большой пустынной реки.

Зимой здесь жили всего десятка два человек, почти всем уже за пятьдесят. Летом становилось оживленнее – из Питера приезжали дачники. В прошлом году в этих местах заблудился геолог – подготовленный опытный человек. Он выходил к людям двое суток. До революции в области жил один миллион семьсот тысяч человек, за сто лет ее население уменьшилось на один миллион и теперь недотягивает до семисот тысяч.

Черные деревянные заброшенные дома, черные деревянные столбы и развалившиеся заборы. Гостем из прекрасной мечты на фоне пылающего закатного неба плыл Покровский собор. Вернее, то, что от него осталось. Дырявые купола, крыша обвалилась. Облупилась и сбита роспись, но формы совершенны. Собор был необычен. Он был геометрически правильным, но его ярусы, стены и купола перетекали друг в друга так, что казались живыми.

Вид был прекрасен. Развалины пришли из времени, когда здесь жил великий народ. Те, кто сейчас жили здесь, не имели никакого отношения к храму, как арабы, продающие кока-колу туристам, не имеют ничего общего с пирамидами. В развалинах не было новизны, так же как в туристических развалинах эллинских городов.

Проехали железнодорожный переезд. Рельсы и шпалы заросли травой и кустарником. Последний поезд прошел здесь несколько лет назад. Тишина и карканье ворон – главной певчей птицы этих мест.

Вблизи оказалось, что кто-то пытается восстанавливать собор. Мусор внутри был убран, в нижнем ярусе на стенах – пятна свежей кладки и раствора.

Скользя по грязи, к ним подошел пожилой мужичок в резиновых сапогах. Интересно, в чем здесь ходили до изобретения резиновых сапог?

– Здравсьте, а вы кто? – спросил он.

– Комиссия по культурному наследию, – ответил – Аслан.

– Да, делаем инвентаризацию памятников архитектуры, – подтвердил Магомед.

– А-а, ну, может, наконец кто-то нами займется. Совсем все в упадок пришло. Работы нет. Ковыряется тут, правда, один, – это прозвучало неожиданно зло, – недавно появился, говорит, что происходит из этих мест. Но его фамилия Кулагин, а я сроду не слышал в этих местах такой фамилии. Поселился в доме Вдовиных. Так что врет, по-моему. Если он будет один ковыряться, сто лет проковыряется.

– А вы не пробовали ему помогать? – спросил Магомед.

– С чего? – искренне удивился мужичок.

– Так работы ж все равно нет, так хоть храм будет.

– У вас есть сто рублей? – без всякого перехода спросил мужичок.

– Сакральный вопрос. Выдай ему сто рублей.

Мужичок почувствовал досаду. Похоже, можно было срубить и двести. Непростительный промах для такого умника. Он открыл было рот, но тот, который небритый молодой, заслонил старшего спиной и глянул так, что слова застряли в горле.

Участок под постройку коттеджного поселка, принадлежащий одной из фирм Магомеда, располагался ниже по течению реки. Этот участок достался ему случайно. Еще в девяностых годах петербургский предприниматель пытался украсть у одной из его фирм крупную сумму, опираясь на поддержку знакомых по тюремному прошлому. Сейчас уже не было людей, которые попытались бы обмануть Магомеда, но тогда было другое время. Среди того, что забрали у этого отважного джентльмена, был и участок на берегу реки, под который было получено разрешение на строительство. Первый хозяин, правда, не планировал ничего строить, собирался просто собрать деньги с пайщиков долевого строительства. Плакат «Мир вашей скандинавской мечты – поселок «Земля обетованная»» до сих пор украшал съезд с федеральной трассы.

Затратами по проекту были плакат, взятка нужному человеку, реклама в газетах, аванс дизайнеру, нарисовавшему поселок мечты, да аренда офиса с красивой Мариной на телефоне.

Правда, дизайнер просто скопировал рисунок с сайта одного из финских застройщиков. Ну ему и не заплатили за это. Честно говоря, когда нанимали, никто и не собирался платить какому-то дизайнеру. Короче, отличный бизнес по-русски. Проект успешно развивался, уже первые клиенты готовы были вносить авансы на фантастических условиях за фантастический шанс получить скандинавский дом в чудесном месте.

Но тут этот предприниматель неудачно продал одной из фирм Магомеда несколько пустых контейнеров. Надурил тупых хачей. По документам было всё чики-чики. Вот таможня, вот акт, вот накладные о приемке с печатями и подписями. Когда вскрывали проверять по накладным, все было. Снова открыли контейнеры разгружать на складе – там пусто. Вот это фокус! Прямо Давид Коперфилд и Динамо в одном флаконе!

Отважного джентльмена перехватили в тот же вечер, когда он ставил машину в гараж. Радостного такого, что сделка с чучмеками так удачно прошла. Он был удивлен, что его нашли так быстро. На самом деле его слили тюремные знакомые, которые все прикинули и передумали за него впрягаться. Держался он уверенно, по документам ведь все отлично прошло. Предложил обратиться в суд.

Отвезли в помещение, специально служившее для досудебного урегулирования, привязали к стулу, чтобы не отвлекался.

– Порядочный торговец – под сенью престола в Судный день, – вежливо начал беседу Ахмед с одной из любимых фраз Магомеда. – Ты, тварь, похож на порядочного торговца?

Ахмед ему быстро растолковал, что дело не в деньгах, тут честь задета. Что это особенно плохо, что по документам все хорошо. При чем тут деньги? Деньги – газ! Деньги даже не бумага, а просто набор нулей и единиц на сервере банка. Эти единицы у Магомеда уже на

диск не влезают. Важно, что теперь такой уважаемый человек, как Магомед, получился полным идиотом перед уважаемыми людьми. Теперь каждый понял, что его, Магомеда, можно душить. Так участок под застройку вместе с машиной, квартирой и прочим отошел доверенным лицам Магомеда. Обобрали красавца до нитки, оставили один костюм, в котором он вышел из машины, – после общения с Ахмедом костюм все равно уже не годился для бизнес-завтраков. Ну такой виртуоз не пропадет в России – стране возможностей. Через год красавец уже был депутатом в областной Думе, и всё на уровне.

Магомед не любил ввязываться в сделки с земельными участками в России. Ему было понятно, сколько стоит, почему столько стоит, как образуется цена на земельный участок в Европе или на Кавказе. Скажем, его дед Хасан-Хаджи хотел купить у соседа участок в ущелье вниз по реке. Долго хотел, разговаривал с соседом, обсуждал. Представлял, сколько готов заплатить. Понимал, сколько хочет сосед. Постепенно договорились.

Но когда Магомед смотрел с холма над рекой на бескрайние безлюдные северные леса, он видел какую-то дурную бесконечность. Сколько стоят вот те голубые холмы с еловым лесом? Какова там площадь в гектарах? Каких таких гектар – квадратных километров! Какая ценность у этой земли? Ответ может быть любой в зависимости от обстоятельств и интересов. Хаос, как у русских в голове.

Когда участок перешел к Магомеду, он попросил своего хорошего знакомого оценить перспективы участка. «Красивое место, но сейчас стоит очень мало. Далековато от города. Но через несколько лет может стать дорогим. Лучше подержать для случая», – посоветовал ему специалист. Возможно, вот он, случай.

На обратном пути Магомед снова велел остановиться на горе, вышел и долго смотрел на Покровку. Аслан волновался, он хотел засветло проехать лес, слишком уж плохая дорога. Но, понятное дело, он молча ждал старшего.

Наконец поехали. Магомед молчал в глубоком раздумье. Аслан без нужды никогда не лез к старшему с болтовней.

Особенности кадровой политики. 2008 год

Аслан, сын одной из дочерей дяди Абу, появился в офисе полтора года назад – тощий провинциальный молодой человек, державший подбородок вверх, как, по его мнению, надлежало дерзкому горцу в тылу врага. Магомед не очень отчетливо помнил его мальчишкой, за него просили родственники. Черная футболка, белые туфли и носки – последние веяния кавказской моды. Ничего, когда Магомед был в его возрасте, все сельские ребята носили рубашки с огромными воротниками, красные носки и коричневые туфли на высоких каблуках.

– Садись. Гуля приготовит нам чаю.

Некоторое время Магомед молча, не стесняясь, разглядывал парня. Он мог так делать с собеседником очень долго. На трудных переговорах это было исключительно эффективным приемом. Обычно собеседник долго не выдерживал и начинал уточнять предложение. Аслан не шевелился и никак не выдавал нетерпение или напряженность.

– Как тебе город? – наконец спросил Магомед.

– Не знаю, – Аслан поморщился, – не понял еще.

Аслан еле добрался из аэропорта на маршрутных такси по пробкам. Плоский, как блин, город, такие же плоские река и небо не произвели на него большого впечатления.

Магомед опять долго молчал, как бы потеряв интерес к парню. Его вид говорил о том, что у него бесконечно много времени. Большинство людей пытаются что-то сказать, чтобы возобновить беседу. Однако парень молчал.

Разговор происходил на русском языке, потому что Магомед заговорил по-русски. Большинство горцев совершенно свободно говорит по-русски, а для поколения Магомеда русский

был вторым родным, хотя часто оставался небольшой характерный акцент из-за разницы в произношении (в горских алфавитах больше звуков, чем в русском). У парня акцент был заметным.

– Скажи, зачем ты сюда приехал?

– Работать на вас.

– *На меня* работает Гуля. Ты будешь работать *со мной*. Объясняю, в чем разница. Она может уволиться в любой момент, если захочет. Она мне ничего не будет должна. А ты такой же, как я или Ахмед. Это означает, что мы живем вместе, делаем дела вместе и отвечаем друг перед другом за свой участок. Только я отвечаю за всё. А у тебя будет пока небольшой участок. Ты отвечаешь за машину. На выезде никогда ни на секунду не оставляешь ее вне поля зрения. Фиксируешь все приближения посторонних. Далее, по жизни: я должен обо всем знать. Никакой хулиганки, чтоб я не был в курсе. Фиксируешь все странные, непонятные случаи. Мне говорили, у тебя хорошая реакция и ты хорошо водишь. Поездишь с Салманом на курсы вождения к одному нашему знакомому. Свой старый сотовый телефон сейчас сдашь. Салман выдаст новый. Все подробности, правила использования сотовой связи и Интернета тебе объяснит Салман. Реакция – это хорошо, но голова важнее.

Магомед знал, что все, что он говорит, нравится парню. В двадцать лет все это здорово звучит. Когда Салман покажет Аслану гараж, это понравится ему еще больше. Аслан сдержанно кивнул.

– Форма одежды: серый костюм, светлая рубашка. Да, ботинки, носки – черные.

– Галстук? – спросил Аслан. Магомед вскинул глаза: дерзит? Правда интересуется? По интонации голоса понять было нельзя. Именно в этот момент возник контакт – Магомед понял, что парень не прост. Простые Магомеду были не нужны. Имеется в виду – рядом с собой. Понятно, что для родственника, которого рекомендуют, он нашел бы занятие. В транспортной конторе или охранным предприятии.

– Галстук по необходимости. А теперь пойдем в диванную комнату, выпьем чаю по-родственному. Ты мне расскажешь, что к чему, какие новости там у нас, – сказал Магомед уже на родном языке. Если оценивать по пятибалльной системе, Аслан получил твердую пятерку на вступительных.

* * *

Когда джип, надрываясь на пониженной передаче, вылезал на шоссе, Магомед обернулся к Аслану:

– Аслан, ты давно перерос это занятие – сопровождать меня по делам. Может быть, ты и сам так думаешь. Ты знаешь, почему я держу тебя возле себя?

– Да, дядя Магомед. Я похож на деда Абу, все говорят. Только я худой, а он был крупный. Мне интересно с вами, я многому учусь. Я не хочу другой работы.

– Молодец, парень. Но я не хочу, чтобы ты слишком привык выполнять чужие приказы. Пора принимать свои решения.

Глава 4. Fallout

Конец истории и последний человек. 1979 год

Майским солнечным утром 1979 года по площади Дружбы народов шел Последний Человек, наблюдающий Конец – Истории.

Представим себе монумент Дружбы народов: социалистический монумент – три огромные фигуры, символизирующие разные народы. Хоть Евгений тысячу раз видел этот монумент, но удивительно, что не помнил подробностей. Слишком уж он был большой. Рядом высокий кирпичный забор станции пригородных поездов. Это еще центр города, но уже начало окраин. Зелено, свежо, солнечно, прекрасно!

Конец Истории – это не конец событий, великих и мелких, а конец пути, конец поиска правильного устройства жизни. Это конец страшной сказки прошлого, конец скитаний человечества во мраке дикости и невежества. Конец развития не в смысле прекращения движения и смерти, а в смысле достижения гармонии.

Да, проблемы есть, но позади угнетение человека заботой о хлебе, позади угнетение человека человеком, позади угнетение разума религией, позади угнетение человека невежеством и неграмотностью. Позади Угнетение с большой буквы!

Евгения охватывала гордость за то, что он русский, он принадлежит к народу, который прорвался к свету, который показывает путь всему человечеству. Который превратил коммунизм из сказки об Утопии в практическое дело. Который показывает путь народам Западной Европы и Америки, стонущим под гнетом капиталистов. С другой стороны, приятно принадлежать к народу, находящемуся на шаг впереди остальных в историческом развитии.

Однажды он разговаривал об этом с матерью, и она сказала, что тоже испытала чувство конца истории, когда прочитала программу Коммунистической партии о том, что коммунизм наступит в 1980 году. Уже, правда, был 1979-й, а коммунизма пока не было видно, но ведь возможны задержки и отклонения на исторических путях.

Однако крот истории что-то перепутал и где-то прорыл не туда. Мы собирались лететь к звездам. Но вместо сияющих космических кораблей мы получили по подержанному «мерседесу». Вместо неуверенных шагов в громоздких скафандрах по планетам с малым притяжением мы уверенно наступаем на песок пляжа трехзвездочного турецкого отеля.

Тогда этого мальчика звали Евгений Вдовин. Через 30 лет у него будет паспорт и биография на имя Евгения Кулагина.

Если бы тогда, в 1979 году, Евгений имел возможность включить машину времени и перенестись всего лет на двадцать в будущее, он увидел бы вдруг, что от монумента Дружбы народов остался один постамент. Здания вокруг разбиты, деревья срублены снарядами и сгорели: видимо, все-таки произошла война с американскими империалистами или с китайскими ревизионистами. Вместо плаката «Да здравствует советский народ – строитель коммунизма!» висит непонятный плакат «Русские, не уезжайте, нам нужны рабы!». Возле забора станции пригородных поездов бородатые люди в тюрбанах, похожие на басмачей из фильмов о Гражданской войне, расстреливают молодую женщину за супружескую неверность. Конечно, прогресс дает о себе знать: прямая трансляция казни идет в эфире республиканского телевидения.

Исход. 1994 год

Елена Петровна Вдовина, мать Евгения, была настоящим коммунистом. Вот что она вкладывала в понятие «настоящий коммунист»: быть бесконечно порядочной, верить в людей и, что очень важно, даже не допускать мысли о том, что человек может быть плохим. Плохих

людей не бывает, бывают плохие воспитатели, педагоги. Нужно верить в бесконечный прогресс, в предопределенность, обреченность человечества идти по пути к коммунизму – своему светлому будущему. Еще вот что она считала признаками настоящего коммуниста: не воровать, об убийстве или насилии речь даже не шла, еще не заглядываться на чужих мужчин, на лжесвидетельство она просто не была способна, ну и так далее.

Елена Петровна преподавала обществоведение и историю. В институте она была отличницей, ее должны были оставить на кафедре для продолжения научной карьеры, но она отказалась: ей хотелось живой работы с учениками. Никогда она не думала, что перед ее глазами пройдут все стадии деградации гражданского общества буквально за пару лет. Как будто на ее глазах провели гигантскую лабораторную работу. Все оказалось быстрее, проще и как-то обыденнее, чем в трудах античных историков, немецких классических философов и марксистов.

В сущности, что такое гражданское общество? Это долг людей друг перед другом. Это человек, который ставит свои обязанности перед вами выше своих интересов. Это почтальон, который в дождь и снег идет к вашему ящику, чтобы засунуть в него газету бесплатных объявлений, которую вы выкинете не читая. Это мусорщик, который каждый день независимо от настроения приедет вывозить контейнер, в который вы выкинули эту газету. Это вы, когда пойдете открывать магазин, хотя в такую погоду может не быть покупателей.

Но наступает момент, когда почтальон, выглянув в окно, решает, что можно разнести завтра. Мусорщик начинает думать, что ничего не случится, если не выезжать за контейнером. А вы думаете, что можно поспать до обеда.

И вот уже нет в вашей жизни всех этих замечательных людей, которые работали просто за зарплату, с которыми вы были даже незнакомы, о которых вы даже не знали, но которые, оказывается, были вам так нужны. Немедленно в вашем доме перестает работать отопление, потому что аварийная бригада не приехала по вызову и разорвало трубу. Потом газ и электричество начинают поступать с перебоями. Особенно неприятно, когда перестает работать канализация. Очень быстро перестает нормально функционировать всё. Вообще всё. Никому нет смысла заниматься чем-либо, потому что теперь так делают все. Только в виде исключения – за исполнение своих обязанностей можно брать отдельную плату.

Но дело в том, что работники полиции и тюрем тоже люди. И на улицу выходят заключенные. Заключенных к тому же можно просто отпускать за деньги: неплохое подспорье для работников правоохранительных органов в трудные времена.

Счастлив маньяк в истории минуты роковые. Когда нет ответственности – это его час.

И вот уже страшно, вот уже убили водителя вечернего трамвая, а вот убили врача «скорой помощи», больше нет ни вечерних трамваев, ни «скорой помощи».

Понятно, что дальше какие-то вооруженные люди начинают бродить по улицам, злое щего вида бойцы ездят в машинах по каким-то своим «делам». Бизнесом заниматься невозможно: обеспечение безопасности становится настолько дорогим, что никакой бизнес этого не окупает. Поэтому приходится бросить бизнес и заняться «делами».

Семьи горцев сели на «дела», поделив нефтепроводы, автотрассы и железную дорогу. То есть занялись древнейшим видом бизнеса: взимание платы за проезд / проход / провоз товаров.

Происходит окончательное упрощение: все множество социальных ролей, вся лестница отношений исчезает. Достигнута мечта: неравенства нет! Нет классов, сословий, профсоюзов и партий. Есть человек с автоматом Калашникова и человек без автомата. Все табу устранены, но интересно, что свободы не наступает. Оказывается, без безопасности нет свободы.

Далее разрушается последний важный элемент гражданского общества – это запертая дверь. Можно стерпеть любой уровень уличной преступности, любые несправедливости, но если вы не уверены, что, закрыв дверь, вы оказались в безопасности в своем пространстве, – это конец мира и начало войны.

Все это прошло перед глазами Елены в 1990–1993 годах. Сильнее страдали русские. Сила семей проявилась в этих условиях – горцы оказались под защитой своих родственных отношений. Русских от воцарившегося беспредела не защищал никто.

Почти половина населения, около полумиллиона человек, покинули эти края за несколько лет. Оптимизм Елене внушали только два обстоятельства. Во-первых, выяснилось, что даже в условиях полной безнаказанности убивать беззащитных готово меньшинство. Во-вторых, выяснилось, что большинство людей сохраняют человеческий облик даже после катастрофы.

Зимой 1993 года в доме Елены уже не работало отопление, не было газа, электроэнергию подавали с перебоями. Телефон всегда работал, как ни странно. Из всей этой ситуации не было видно никакого выхода. Но главное – ее жизнь стала совершенно бессмысленной. Она не приносила никакой пользы. Даже почти не общалась со старыми друзьями, разговоры с которыми крутились вокруг бедственного положения и вариантов отъезда. Нельзя же жить одним ожиданием неизвестно чего.

С Мадinou Магомедовной Елена Петровна сидела в одном кабинете 20 лет. Елена была завучем по старшей школе, Мадина – завучем по начальным классам. Мадина уходила на пару лет инструктором в райком партии, но потом вернулась в школу – перекладывать бумаги на партийной работе не пыльно, но скучно. Елена пару лет работала директором школы, но уж больно далеко было ездить, тоже вернулась. Даже судьба женщин была похожа. Мадина тоже была вдовой, ее муж-нефтяник погиб в начале 70-х на промыслах в Тюменской области.

Много, много чего они обсудили за двадцать лет. Почти никогда не соглашались. Елена иногда раздражала Мадину своей упертостью и принципиальностью. Мадина раздражала Елену излишней, как ей казалось, мягкостью и уверенностью, что жизнь сама все устроит. Бывало, даже сильно уставали друг от друга, но держали себя в руках и ни разу не поссорились.

Мадина помогла Елене отправить грузовой контейнер с наиболее ценными вещами, и это было огромной удачей. Многие просто бросали всё. Вообще ей повезло, что у нее была такая подруга. Жилье из-за исхода русских сильно упало в цене – за последние годы выехала половина населения города. Но Елене удалось опять-таки через Мадину устроить продажу каким-то ее родственникам из района. И таким образом получить за свои полдома хоть что-то. Получить – это было еще не все. Нужно было еще суметь уехать с этими деньгами. Сразу после получения денег Елена переехала к Мадине – ночевать в проданном доме было очень опасно.

В ночь перед отъездом Елене приснился странный сон: как будто она идет вдоль трамвайных путей мимо центрального рынка в сторону цирка, но никаких трамвайных путей нет, есть широкая, целиком заасфальтированная улица и ни одного знакомого здания. Потому что все здания – это какие – то церкви, соборы странной архитектуры. Деревьев тоже нет. И людей нет. Почему тогда она знает, что это центральный рынок? Елена Петровна проснулась в смущении, хотя она не верила во всю эту чушь со снами. Как и положено настоящему коммунисту, она была стопроцентным атеистом.

Очевидно, что это просто ее усталый мозг под впечатлением всех переживаний последнего времени выдал такую картинку. Но уж очень впечатляющим было видение, уж очень прекрасны формы, которые явились ей. Они были правильны и перетекали друг в друга, как живые. Все было совершенно неподвижным, но не безжизненным. Как будто живое пряталось в этой неподвижности. Неужели в ее сознании скрываются такие творческие силы?

«Аэрофлот» еще выполнял рейсы в Москву. Старший сын Мадины довез их до аэропорта. Женщины взялись за руки, посмотрели в глаза. Сколько раз в жизни встречались их взгляды?

Посадку почему-то производили не в красивом здании нового терминала, а через какие-то временные сараи-навесы рядом.

Багаж беженцев набит всегда какой-то ерундой; уезжая навсегда, в последний момент люди пытаются взять с собой довольно странные вещи и забывают нужное. Но с точки зрения «таможенников», если поковыряться, можно найти кое-что стоящее. Молодой шакал с пистолетом, думающий, что он волк, подробно шмонал багаж Елены Петровны. Сейчас она смотрела на свой выложенный на стойке багаж посторонним взглядом, и ей было немного неловко: неужели это итог жизни семьи в этих местах за 300 лет? Ей было неудобно за такое вопиющее свидетельство ее нищеты перед этим молодым парнем. Происходила она из гребенских казаков. Ее девичья фамилия была Гребенникова. Происходили они из станицы где-то на Сунже, пока царь-батюшка не переселил казаков на левый берег Терека. Потом революция, раскулачивание, ссылка в Сибирь. Короче, вот это всё, что называется нашей великой историей. Родилась Елена Петровна в Сибири и считала Сибирь своей родиной. Училась в Ленинграде в Герценовском. Ирония судьбы: после института комиссия по распределению направила ее сюда, на родину предков.

Тем временем шакал отобрал в сторону деревянную резную шкатулку, фарфоровый домик, фигурку из яшмы, еще какие-то мелочи. Почему-то раковину с гравировкой «Привет из Крыма», которую ее тетка купила в 1936 году в свадебном путешествии. Тетка удачно вышла за командира Красной Армии, но его расстреляли в 1937 году как врага народа. А тетка провела 7 лет в лагерях Салехарда как член семьи врага народа.

Эти безделушки были связаны с людьми, которые давно умерли. Возможно, они стоили долларов сто-двести.

– Эти вещи запрещены к вывозу из республики, – с вызовом заявил шакал.

Елена Петровна, стойко переносившая все, вдруг поняла, что жизнь была напрасна. Зачем она столько лет проработала в школе? Она никого ничему не смогла научить. Она ничего не сделала.

– Пусть это падет на тебя и твой дом, – неожиданно для себя сказала она, хотя не имела склонности к патетике.

– Ты что, ведьма старая? – воскликнул шакал и испуганно сгреб весь хлам в ее сумку. Елена Петровна прошла на посадку.

Этот инцидент выбил ее из равновесия. Елена Петровна не могла успокоиться и периодически начинала плакать или улыбаться до момента, когда стюардесса объявила: «Мы приступили к посадке в аэропорту «Внуково» города Москвы». То ей было стыдно за горячность, то она улыбалась сквозь слезы, вспоминая, как шакал испугался. Все осталось позади – вся ее жизнь. Чего она ждала? Чего она хотела? Она не молода, но и старухой себя не чувствовала. Легкое волнение и какая-то тень новой надежды проснулись в ее душе. Как в дни, когда студенткой она стояла на берегу Невы возле сфинкса и будущее манило, волновало, немного пугало, но должно было быть прекрасным.

* * *

Еще одно детское воспоминание Евгения: весеннее кладбище. Ходили туда с матерью весной привести в порядок могилу его отца. Кладбище было очень живописно: по-южному заросшее, всё в цветущей сирени. Такая уж земля: втыкаешь сухую палку – и растет. Если не ухаживать два-три года, внутри оград кусты сирени и жасмина разрастались так, что не было видно могилы. Мать долго стояла задумавшись, положив руку на памятник. К майским праздникам трава вырастала по колено. Потом мать обрезала кусты, полола траву, приводила в порядок цветы, иногда что-то подсаживала. Она любила возиться с растениями. Евгению было неловко, что он не чувствует связи с тем, что для матери так важно. Но он почти не помнил отца, несколько размытых впечатлений. Хотелось защищать мать, хотелось, чтобы ее боль прошла.

Краткие итоги XX века. Весна 2010 года, понедельник, утро

Евгений Кулагин просыпался с трудом. Это было новым для него. Иногда он чувствовал, как жизнь вытекает из него крохотными порциями. Теперь он давал себе несколько минут полежать в тепле под одеялом.

Его прадед по отцовской линии построил этот большой двухэтажный дом в 1900-х годах. Дом был построен по северному образцу, под одной крышей были объединены все хозяйственные постройки, амбар, скотный двор. В зимние морозы не нужно было тепло одеваться, чтобы сходить к скотине, в амбар или заняться в мастерской. Перед революцией в доме жили многочисленные бабушки и дедушки Евгения: красивые женщины и мужчины с пожелтевших от времени фотографий. Потом они занимались разными делами: учились в университетах, служили в армии, потом многие сгинули в сталинских лагерях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.